

УДК 902:94(3) 930.26(571.54+571.53+517.3)
DOI: 10.21285/2415-8739-2016-2-30-42

ОСОБЕННОСТИ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ ПЛИТОЧНЫХ МОГИЛ В ПРИБАЙКАЛЬЕ КАК ИСТОЧНИКОВ ПО ИЗУЧЕНИЮ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ДРЕВНИХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ В БАЙКАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ (к постановке проблемы)

© А.Д. Цыбиктаров

Статья посвящена реконструкции взаимоотношений между древними группами населения бронзового века в Прибайкалье: пришельцами скотоводами культуры плиточных могил (КПМ) и местными охотниками-рыболовами прибайкальской тайги. Выделяются и обосновываются археологические источники для изучения этой темы. Такими источниками, по мнению автора, являются: особенности распространения памятников КПМ в Прибайкалье в остепненных районах, очажно-гнездовое размещение плиточных могил в локальных местах края, небольшие размеры могильников, большее по сравнению с Забайкальем и Монголией присутствие предметов вооружения в могилах, редкость памятников наскального искусства, присутствие керамики скотоводческого населения в памятниках местного населения. Приводятся аргументы для обоснования основной причины появления скотоводов в Прибайкалье: установление взаимовыгодных хозяйственных отношений обмена продукцией своего хозяйства с местным населением. На основании анализа выделенных источников и информации описаны, выражаясь современным языком, принципы и правила осуществления обменно-хозяйственных связей и пребывания групп населения культуры плиточных могил в инокультурной среде местного населения.

Ключевые слова: Байкальский регион, охотники-рыболовы, скотоводы-кочевники, хозяйственный обмен, первобытные нормы взаимоотношений, источники информации, реконструкция.

SPECIFICS OF SITES OF THE SLAB GRAVES CULTURE IN CISBAIKALIA AS A SOURCE FOR THE STUDY OF COMMUNICATIONS OF ANCIENT GROUPS OF POPULATION IN BAIKALIAN REGION (the prolegomena of problem)

© A.D. Cybiktarov

The article is devoted to reconstruction of the communication among the groups of ancient population of Cisbaikalia in Bronze Age such as immigrant nomads of the Slab Grave Culture and autochthonous hunter-foragers in Cisbaikalian taiga. The main archaeological sources for studying this subject are the specifics of location of site of the Slab Graves Culture in steppe areas in Cisbaikalia, the hearth - nesting placement of slab graves in local landscape, small dimensions of the necropolis, larger amount of the grave weapon toolkit than ones in Transbaikalia and Mongolia, rarity of the sites of rock art, presence of the pottery of nomads in the sites of local population. Author gives some arguments for the establishment of mutually beneficial economic exchange of the production between nomads and forest hunter-foragers as a main hypothesis of the reason of appearance of nomads in Cisbaikalia. Based on the noted sources and data author describes the principles and rules of the getting the economic exchange communications and appearance of the groups of the people of Slab Grave Culture among the local population.

Keywords: Baikalian Region, hunter-gatherers, nomads, economic exchange, prehistoric norms of the communications, sources of information, reconstruction

Введение. Байкальский регион в природно-географическом отношении представляет собой своеобразную переходную зону от горных степей и лесостепей Центральной Азии к таежной зоне Восточной Сибири. Наиболее ярко это проявляется в Забайкалье, где степи вклиниваются далеко на север по долинам рек Селенги и ее притоков, а также Баргузина в северной части Прибайкалья. В свою очередь тайга восточно-сибирского типа уходит в южном направлении в Забайкалье и далее на территорию Монголии по хребтам Восточного Саяна, Хэнтэй-Чикойского нагорья, имея свое продолжение уже в Центральной Монголии на Хангайском нагорье. По этим причинам с глубокой древности, начиная с бронзового века, в Байкальском регионе обитали по соседству древние этнические общности, чей хозяйственно-культурный тип, жизненно-бытовой уклад и этнокультурные особенности различались коренным образом. С одной стороны, это были скотоводы-кочевники степей, а с другой – охотники и рыболовы горнотаежных районов. Они оставили разные археологические культуры, хорошо известные исследователям археологии и древней истории Монголии, Забайкалья и Прибайкалья. Одной из наименее разработанных тем в изучении древней истории Байкальского региона является исследование взаимоотношений между населением этих археологических культур.

Взаимоотношения между носителями археологических культур Байкальского региона были разноплановыми, имели различные аспекты. Чаще всего ученые касались таких из них, как взаимовлияния в области материальной культуры, погребального обряда и некоторых других. Меньше других изучена такая сторона этой многоплановой темы, как реконструкция принципов взаимоотношений между носителями археологических культур, когда они в силу разных причин оказывались на инокультурной территории. Пришельцам вследствие вынужденного пребывания на чужой земле нужно было вырабатывать какие-то нормы взаимоотношений с местным населением, которые бы обеспечивали достижение целей, ради которых они оказыва-

лись в иноэтническом мире. При этом такие своеобразные правила пребывания на чужой территории должны были предлагаться пришельцами и, прежде всего, быть приемлемыми для автохтонных жителей, если это не была прямая экспансия. В последнем случае нормы взаимоотношений диктует, как известно, сторона-агрессор. В данной статье, которую я рассматриваю как постановочную, предпринята попытка обозначить предлагаемую тему и предложить свое видение ее решения на материалах культуры плиточных могил в Прибайкальском регионе, где она, безо всяких сомнений, являлась пришлым явлением.

Обсуждаемая в статье тема достаточно сложна в силу того, что в материалах раскопок собственно самих плиточных могил сведений, имеющих непосредственно прямое отношение для ее решения, не содержится. С другой стороны, археологическая культура местного прибайкальского населения, с которым носителям культуры плиточных могил (КПМ) приходилось вступать во взаимоотношения, изучена недостаточно полно. Поэтому из всего имеющегося объема информации по поднимаемой теме приходится выявлять сведения, в первую очередь, из материалов по плиточным могилам Прибайкалья. При этом такие данные могут быть расценены как косвенные и не совсем, возможно, имеющие прямое отношение к поднимаемой проблеме. Но, тем не менее, они имеются и позволяют проблему поставить и попытаться предложить свой вариант ее видения. Ниже приводятся сведения, которые с точки зрения автора, могут иметь отношение к существу поднимаемого вопроса.

Выделение источников информации и их обсуждение

Особенности распространения памятников КПМ в Прибайкалье относительно ландшафтных зон региона. Исследователи с самого начала изучения плиточных могил отметили их привязанность к остепненным районам региона (Хороших, 1924; Окладников, 1955; Диков, 1958; Свинин, 1971; Зайцев, Свинин, 1978; Тиваненко, Цыбиктаров, 1979 и др.). Общеизвестно, что основой хозяйства населения этой культуры в степях Монголии и Забайкалья являлось

кочевое и полукочевое скотоводство. Поэтому сопряженность выявленных в Прибайкалье плиточных могил с указанными ландшафтными областями края была понятна без каких-либо дополнительных разъяснений. К таким районам в регионе относятся четыре локальных участка: Приольхонье, долины рек Куды, Унги в Предбайкалье и Баргузина в северо-восточной части прибрежной зоны озера. Возможно, еще одним таким локальным участком являлись окрестности с. Байкальского и залива Лударь на Северном Байкале.

Специфика размещения памятников КПМ на местности. До сих пор не привлекала к себе внимания такая особенность в распространении плиточных могил в остепненных районах Прибайкалья, как их размещение не повсеместно по всей их территории, а в узко локализованных местах. Иначе говоря, плиточные могилы занимают в Прибайкалье не все пригодные для ведения скотоводческого хозяйства степные пространства. Их присутствие в остепненных районах края носит очажно-гнездовой характер. В этой связи будет уместно отметить, что в 1950–80-е гг. широкое признание среди исследователей (Диков, 1958. С. 69–70; Свинин, 1971. С. 144; Гришин, 1981. С. 199; Хамзина, 1983. С. 83–84 и др.) получила точка зрения А.П. Окладникова о датировке памятников данного типа в регионе концом I тыс. до н. э. и распространении здесь в результате экспансии хунну в Забайкалье. Это, по мнению исследователя, привело к вытеснению населения КПМ из Юго-Западного Забайкалья и его появлению в Прибайкалье (Окладников, 1955. С. 195–196; 1956. С. 90–91). Такая трактовка причин появления плиточных могил в крае предполагает достаточно массовое переселение их носителей в регион. Однако интерпретация памятников КПМ только в таком направлении позже не подтвердилась. Выяснилось, что плиточные могилы в Прибайкалье появились гораздо раньше в позднебронзовое время, конце II – начале I тыс. до н. э. (Цыбиктаров, 1989. С. 15, 22; 1998. С. 154–155; Туркин, 2003. С. 11–14, 16; 2004. С. 83–84; Харинский, 2005. С. 198–199) или, по меньшей мере, в раннескифское время, VIII–VII в. до н. э. (Зайцев,

Свинин, 1978. С. 40; Горюнова, Воробьева, 1986. С. 52; Горюнова, 1993. С. 78–79; Харинский и др., 1995. С. 76–77; Харинский, Зайцев, 1995. С. 195, 197). В связи с рассматриваемой в статье темой также отметим, что плиточный могильник Манхай в долине р. Куды так и остается вплоть до настоящего времени единственным на Кудинскую долину памятником КПМ.

Существенная корректировка в установлении времени появления носителей КПМ в регионе вызвала необходимость разработки новых подходов в решении вопроса о причинах миграции носителей этой культуры в край. Автор статьи связывал это с экономическими причинами – установлением взаимовыгодных отношений обмена продукцией хозяйства между степными племенами Забайкалья и Монголии, с одной стороны, и таежным населением Прибайкалья, с другой стороны (Цыбиктаров, 1989. С. 15, 22; 1998. С. 154–157). Ю.С. Гришин, не отрицая мнения А.П. Окладникова, увязывал появление степного населения в регионе с еще одним фактором – давлением избытка населения на производительные силы общества в степных районах Забайкалья (Гришин, 1995. С. 62–63). Л.П. Хлобыстин считал причиной миграции скотоводов климатические изменения в Забайкалье в направлении сухости (Хлобыстин, Студзицкая, 1987. С. 344). Но взгляды Ю.С. Гришина и Л.П. Хлобыстина страдают одним существенным недостатком. Факторы, на которые делали упор исследователи, предполагают достаточно массовое переселение носителей КПМ в Прибайкалье и широкомасштабное освоение ими экологически пригодных для ведения скотоводческого хозяйства пространств в крае. Однако в реальности такой ситуации не прослеживается. Полевые работы 1960–2000-х гг. в Прибайкалье и Приангарье, несмотря на их широкомасштабность и гораздо большую плотность по сравнению с 1950-ми годами, не выявили массового повсеместного распространения плиточных могил в регионе. Они в остепненных районах Прибайкалья по-прежнему концентрировались в обособленных местах Приольхонья, Кудинской и Баргузинской долин, устья Унги, несмотря

на наличие протяженных в десятки километров открытых степных пространств в этих областях края (длина о. Ольхон составляет 72 км, а ширина достигает 15 км).

Сводку сведений о распространении могильников КПМ на территории к западу от Байкала и на о. Ольхон в 1990-е гг. осуществили В.В. Свинин, О.И. Горюнова, А.В. Харинский и их коллеги. Суммарно было зафиксировано 42 местонахождения плиточных могил (Горюнова, 1993. С. 77–78; Харинский и др., 1995. С. 64). Кажалось бы, такое большое, на первый взгляд, количество памятников свидетельствует о достаточно массовом расселении населения КПМ по о. Ольхон и Предбайкалью. Однако анализ особенностей размещения могильников в той или иной местности показывает, что при относительно большом количестве пунктов, более 40, в реальности мест сосредоточения плиточных могил в одной местности намного меньше. Во многих местах плиточные могилы, расположенные на небольшом удалении друг от друга в одной и той же местности, обозначались как несколько отдельных местонахождений. В качестве примеров можно привести такие объекты, как Сарма VI, VIII, X, Усть-Горхон I, II, Еланцы II, IV, VIII, Хонхой I, VIII, Маломорец II, III, Хужир II, IV, Будун I, V (см.: Горюнова, 1993. С. 78; Туркин, 2003. С. 9), Олзонтой I, VI, VIII, XVI (Туркин, 2003. С. 9). Эти 20 памятников из 42 располагаются по сути дела в 8 местностях.

Размеры могильников КПМ. Обращает внимание на себя и такое обстоятельство, как небольшое количество кладок в могильниках, от одного до четырех, и преобладание одиночных захоронений (см.: Горюнова, 1993. С. 78). Местонахождения, включающие одну-две могилы, вообще составляют подавляющее большинство памятников – свыше 57 % от их общего количества (Туркин, 2003. С. 8). Если скорректированные количественные сведения о памятниках КПМ соотнести с общей площадью остепненных пространств на о. Ольхон и в Предбайкалье, то плотность размещения плиточного населения в регионе окажется относительно невысокой. Такая же особенность наблюдается и на вос-

точной стороне оз. Байкал. На обширных остепненных пространствах Баргузинской долины зафиксировано всего два местонахождения плиточных могил в Куйтунской степи у скалистой возвышенности Шулуун Шэнэгэльжин, которые фактически располагаются в одной местности. Они удалены друг от друга всего на 500 м. Но вместе с тем в Шулуун Шэнэгэльжине зафиксировано большое количество плиточных могил – около 50 или 60 (Хамзина, 1983. С. 76). Однако во всей долине Баргузина это единственный памятник, возможно, этим и объясняется данная специфика могильника. С другой стороны, Е.А. Хамзина отмечает, что «могилы невысокие, лишь отдельные камни кладок возвышались над поверхностью почвы на 5–15 см. Они сильно задернованы и обнаруживаются только при внимательном осмотре» (там же). Так что не все они могут оказаться плиточными могилами.

Предметы вооружения в плиточных могилах Прибайкалья. На начало 2000-х гг. в Предбайкалье было раскопано 54 погребения (Туркин, 2003а. С. 161). Из них 12 могил приходится на местонахождение Манхай в Кудинской долине, характеристика которых была дана А.П. Окладниковым суммарно, без привязки находок к конкретным погребениям (см.: Окладников, 1955. С. 193–194. Рис. 66). Из оставшихся 42 плиточных могил 7 погребений (16,6 %) содержали данную категорию инвентаря: концевые накладки луков, бронзовые наконечники стрел, железный нож (Туркин, 2003а. С. 162). В 12 плиточных могилах Манхая, по данным А.П. Окладникова, приведенным на рис. 66 публикации, были найдены 3 костяные накладки лука, 1 железный и 1 костяной наконечники стрел (Окладников, 1955. Рис. 66). Сведения А.П. Окладникова косвенно указывают на то, что процент содержания оружия в манхайских могилах будет, вероятно, не меньшим чем по Предбайкалью в целом: 5 изделий приходится на 12 погребений. Сравнительные материалы по Забайкалью и Монголии в отношении снабженности погребений этих регионов рассматриваемой категорией инвентаря выглядят следующим образом. Из 542 учтенных нами плиточных

могил с этих регионов предметы вооружения были обнаружены в 25 погребениях, что составляет 4,6 % (Цыбиктаров, 1998. С. 63. Табл. 16). Таким образом, достоверные данные свидетельствуют о том, что присутствие предметов вооружения в предбайкальских плиточных могилах (16,6 %) почти в 4 раза выше по сравнению с находками предметов этой категории инвентаря в плиточных могилах Забайкалья и Монголии (4,6 %). В отношении же сохранности захоронений плиточные могилы как Забайкалья – Монголии, так и Прибайкалья находятся в равном положении. Во всех указанных областях они одинаково подвергались ограблению и осквернению.

Памятники наскального искусства. В Прибайкалье в различных местах выявлены памятники наскального искусства, в том числе бронзового и раннего железного веков, которыми датируется время пребывания носителей КПМ в крае. Петроглифы и писаницы этих эпох зафиксированы как на побережье озера, так и по западную и восточную сторону от Байкала (Окладников, 1959, 1966, 1974; Окладников и др., 1980; Тиваненко, 1990; Мельникова, 2002; Мельникова, Николаев, 2006; Николаев, Мельникова, 2008). Однако на этих памятниках Прибайкалья крайне редко присутствуют рисунки, которые можно было бы соотнести с носителями плиточных могил. Мне известно лишь три местонахождения красковых наскальных рисунков, которые по стилю, сюжетам и технике исполнения близки петроглифам селенгинского типа Забайкалья и Монголии, связываемых исследователями с КПМ. Это рисунки в местности Лударь на Северном Байкале, пункты 2, 3, 4, возможно, 5 (Тиваненко, Цыбиктаров, 1979; Тиваненко, 1990. С. 13–14. Рис. 11–19 приложения) и два пункта на о. Ольхон: Шара-Хапсагай на северо-восточной оконечности острова и Хоргой на одноименном мысе (Тиваненко, 1990. С. 16, 18–19. Рис. 7–8 в тексте). Обращает внимание небольшое количество изображений на всех трех местонахождениях. По сравнению с аналогичными памятниками в Забайкалье они выглядят единичными рисунками.

Присутствие керамики, характерной для населения КПМ, в культурных слоях поселений местного прибайкальского населения. Общеизвестен неоднократно отмеченный исследователями факт присутствия на поселениях Прибайкалья в материалах культурных слоев позднего бронзового и раннего железного веков в незначительном количестве находок фрагментов керамики, характеризующейся особенностями глиняной посуды КПМ.

Охарактеризованные выше особенности памятников КПМ в Прибайкалье позволяют интерпретировать их, как нам представляется, в обозначенном в заглавии статьи направлении и рассматривать, таким образом, в качестве источников для изучения поставленной в статье темы. Выясняется, что картографирование плиточных могильников показывает их размещение в регионе небольшими гнездами-скоплениями на незначительном удалении один от другого в Приольхонье и фактически в одиночных небольших микрорайонах в долинах р. Куды – в Манхае, р. Унги – в устье и р. Баргузин – в местности Шулуун Шэнэ-гэльжин. Следовательно, люди КПМ селились по территории Прибайкалья весьма компактно, их размещение в остепненных районах края было не повсеместным и носило очажно-гнездовой характер. Такое своеобразное расселение носителей этой степной культуры свидетельствует, видимо, о том, что они не ставили задачу освоения остепненных районов Прибайкалья для массового в нем расселения и широкого освоения его территории под свои хозяйственные нужды. Такие цели неизбежно должны были стоять перед ними, если бы они испытывали перенаселенность на своих коренных землях (точка зрения Ю.С. Гришина) или вынуждены были уйти из них в Прибайкалье из-за систематических засух и нехватки корма для скота (мнение Л.П. Хлобыстина). Тем более, что для массового переселения в Прибайкалье имелись объективные возможности для бесконфликтного освоения скотоводами-плиточниками степной и лесостепной зоны Прибайкалья. Местное население Прибайкалья вследствие своего хозяйственно-бытового уклада охотников, рыболовов и

собирателей тайги занимало экологическую нишу лесной зоны края. Степные участки не входили в сферу их основных хозяйственных интересов. По этой причине основы экономической базы местного и пришлого населения не приходили в непримиримые противоречия и не могли являться источником неразрешимого хозяйственного конфликта между ними. Даже в случае возникновения конфликта военное преимущество было, вне всякого сомнения, на стороне пришлого населения – более качественное и эффективное оружие, хорошо разработанная организация военного дела, опыт в ведении военных действий, использование коня в действиях на открытой местности, численное превосходство и т. д. (см.: Худяков, Эрдэнэ-Очир, 2011; Цыбиктаров, 2013).

Охарактеризованные выше обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что скотоводы степей Забайкалья и Монголии изначально ставили задачу не широкого освоения степных районов Прибайкалья, а установление взаимовыгодных хозяйственных отношений обмена продукцией своего хозяйства с местным населением. Степняки могли поставлять, что уже ранее неоднократно отмечалось исследователями, более совершенные металлические изделия из бронзы, позже – железа, и, как показывает изучение химического состава прибайкальского металла (Сергеева, 1981. С. 27, 61–64), бронзу, а также продукцию скотоводческого и, возможно, земледельческого хозяйства. Свои «товары» люди КПМ обменивали, вероятно, на продукцию местного лесного населения Прибайкалья – специфические природные богатства таежников, в первую очередь, пушнину. Для ведения такого взаимовыгодного обмена не требовалось массового перемещения степняков на территорию будущего хозяйственного партнера в лице охотников прибайкальской тайги. Выполнение этих обменных операций было вполне по силам небольшому количеству представителей степного скотоводческого населения КПМ, которое могло расселиться небольшими группами на территории местного населения-партнера. С таким характером установления хозяйственных отношений между

степным скотоводческим и таежным прибайкальским охотничьим населением хорошо согласуются особенности размещения могильников КПМ в Прибайкалье.

Вместе с тем предлагаемая модель взаимоотношений древних этнических общностей степного забайкальско-монгольского скотоводческого и прибайкальского лесного охотничьего населения поднимает вопрос о том, что между ними должны были согласовываться, выражаясь современным языком, какие-то правила, принципы, на которых должны были основываться обменно-хозяйственные связи. Их инициаторами являлись, видимо, в первую очередь, степняки, которые в силу общих закономерностей социально-экономического развития древних обществ находились на более высоком уровне хозяйственного и общественного состояния. Но в таких связях были заинтересованы и обитатели тайги. Однако установление хозяйственно-обменных отношений затрагивает не только сферу непосредственного обмена продукцией хозяйственной деятельности. В процессе такого обмена представители заинтересованных сторон вступают и в другие отношения самого разнообразного характера. В их числе, следуя логике технологии налаживания обменных отношений, можно назвать такие, как обеспечение безопасности передвижения к местам обмена, проживания пришлого населения в иноэтнической среде, согласование пунктов совершения обменных операций, мест проживания пришлых групп населения, норм и правил их взаимоотношений с местным населением за пределами собственно меновых процедур, т. е. в жизни и быту, и т. д. Выражаясь современным языком, их можно назвать правилами или принципами первобытной дипломатии.

Нормы взаимоотношений пришлого населения с местными охотниками и рыбаками прибайкальской тайги должны были регулироваться согласно традициям обычного права, присущего родоплеменным образованиям первобытного общества. В них хозяйственно-промысловые угодья всегда рассматривались в качестве жизненно важной, неотъемлющей составной для обеспечения жизнедеятельности того или

иногo социума, общины, рода, племени. По этой причине не допускались хоть какие-либо посягательства на них со стороны не только иноплеменного населения, но этнически близкой соседней общины. По этой причине степняки на территории местного прибайкальского населения могли размещаться только в заранее оговоренных местах. В противном случае более свободного расселения пришельцев в регионе их появления могло быть воспринято как акт проявления намерений на широкое освоение территории, которая должна была рассматриваться местными охотниками и рыболовами в качестве потомственных традиционных земельных угодий. Эти обстоятельства должны были учитывать носители КПМ при их появлении в Прибайкалье.

Выявленные особенности размещения могильников КПМ в Прибайкалье позволяют с определенной долей достоверности установить некоторые из перечисленных выше норм взаимоотношений между Рассматриваемыми древними этническими общностями забайкальско-монгольских степей и прибайкальской тайги. Очажно-гнездовой характер размещения плиточных могильников по обе стороны Байкала свидетельствует, видимо, о согласовании между сторонами мест проживания иноэтнических групп на территории местного населения. В таких местах степняки основывали свои колонии-стойбища и оставили небольшие могильники. На стойбищах-колониях, следует полагать, осуществлялся обмен продукцией. Не исключено, что степняки-плиточники могли проживать и на поселениях местного населения. Но предпочтительнее все же предположение о посещениях степняками на тот или иной срок поселений местного населения, т. к. ландшафтная среда обитания лесных охотников не соответствовала скотоводческим занятиям носителей КПМ. Но в любом случае неоднократные упоминания о находках керамики «плиточного облика» в составе материалов раскопок слоев бронзового и раннего железного веков многослойных прибайкальских поселений свидетельствуют, на наш взгляд, о посещениях степняками непосредственно стойбищ местного населения. Трудно представить, чтобы глина-

ная посуда степного населения могла выступать в качестве обменной продукции для местного населения и таким образом попадать в культурные слои их поселений.

Установленный факт проживания носителей плиточных могил среди местного населения сам по себе предполагает согласование норм и правил их взаимоотношений с местным населением как в процессе совершения обменных операций, так и за пределами собственно меновых процедур в повседневной бытовой жизни. К последним мерам можно отнести обеспечение безопасности проживания степняков в иноэтнической среде, а также их передвижения со «своим товаром» со своей территории по землям местного населения к пунктам обмена. Однако в данном отношении ситуация обстоит, видимо, не всегда благополучно, несмотря на безусловное регулирование таких взаимоотношений. Об этом, как представляется, свидетельствуют следующие факты. В прибайкальских плиточных могилах почти в 4 раза чаще (соотношение 16,6 % и 4,6 %), чем в степях Забайкалья и Монголии, встречаются предметы вооружения: концевые накладки луков, бронзовые и костяные наконечники стрел, железный нож: Манхай, Будун, Куркут, Олзонтой VI, Хонхой I (Цыбиктаров, 1998. С. 156–157; Туркин, 2003. С. 11). Видимо, эта особенность объясняется спецификой проживания степняков в условиях инокультурного и иноэтнического окружения в Прибайкалье, когда они, несмотря на предполагаемые нами «договоренности» с местным населением, чувствовали себя все же не столь спокойно и уверенно как на своей коренной территории. Можно предположить, что здесь время от времени случались какие-то непредвиденные конфликтные ситуации.

В первобытных обществах, как известно, большое значение придавалось различным родоплеменным, внутриобщинным религиозным культам и обрядам. Одним из важных источников их изучения являются памятники наскального искусства, петроглифы и писаницы. Разноплановую характеристику этой стороны жизни населения КПМ по материалам петроглифов селенгинского типа Забайкалья и отчасти Мон-

голии дал А.П. Окладников. Ученый убедительно и содержательно раскрыл наскальные рисунки данного типа как надежный источник для изучения религиозных верований людей КПМ (Окладников, Запорожская, 1969, 1970). Можно не сомневаться, что пребывая за пределами своих родных земель на территории Прибайкалья, люди КПМ придерживались своих традиционных верований и культов. Поэтому они должны были исполнять все необходимые культовые практики и ритуалы. Но при сравнении многочисленных и разнообразных петроглифов селенгинского типа Забайкалья с редкими случаями выявления петроглифов этого вида на территории Прибайкалья складывается впечатление о некоем забвении скотоводами-степняками своих традиционных культов во время пребывания на иноэтничной территории.

Думается, что реальное положение дел в обсуждаемом отношении обстояло совершенно иначе. Все свои религиозные культы и практики люди КПМ во время нахождения в Прибайкалье по-прежнему выполняли и в полном объеме. Но формы их внешней реализации, видимо, несколько отличались от принятых норм на родных землях в Забайкалье и Монголии. По нашему мнению такая ситуация опять же была обусловлена согласованием правил и норм пребывания пришельцев на чужой территории. У исследователей не вызывает сомнения тот факт, что места скопления наскальных рисунков в древности представляли собой святилища местного населения, где в положенные сроки выполнялись различные обрядовые действия и религиозные практики, принятые в местном обществе. В то же время эти святилища в своеобразной форме маркировали места обитания духов-покровителей местного населения в данной местности, а в совокупности с подобными святыми объектами в других местностях как бы обозначали всю территорию расселения и жизнеобеспечения местной этнической общности, в данном случае автохтонного прибайкальского населения.

Вероятно, по указанным выше причинам на территории расселения местного прибайкальского населения было запреще-

но оформление святилищ пришлым группам, которые по нормам обычного права и жизненным представлениям аборигенов не имели права на создание таких сакральных объектов на их территории. В этом отношении существовали, по-видимому, достаточно строгие запреты и табу. Три редких и весьма невыразительных случая присутствия петроглифов селенгинского типа на всей обширной территории Прибайкалья в бухте Лударь и на Ольхоне свидетельствуют о крайне редких исключениях в рассматриваемом плане. Представленные на них сюжеты не образуют каких-то многокомпонентных логически завершенных и хорошо «читаемых» композиций, как на «метрополии» селенгинских петроглифов в Забайкалье и Монголии. Возможно, такая особенность наскальных рисунков плиточного населения в Прибайкалье во многом объясняется тем, что могла возникнуть крайняя необходимость в оформлении святилища, но его невозможно было создать, согласно договоренностям с местным населением, в полном завершённом виде. Поэтому, видимо, и было сооружено некое подобие святилища с небольшим количеством наскальных рисунков.

Таким образом, приведенные, пусть и не совсем выразительные, на первый взгляд, материалы, указывают на то, что во взаимоотношениях степняков-скотоводов из забайкальско-монгольских степей с местным прибайкальским населением существовали определенные ограничения и согласования также и в сфере исполнения религиозных культов и практик. Вместе с тем можно не сомневаться, что положенные обрядовые действия носители плиточных могил выполняли в соответствии с регламентом их исполнения в течение года, но, выражаясь современным языком, в другом формате, не сооружая для этого в Прибайкалье привычных для себя на родине святилищ с наскальными рисунками.

Выводы. Подводя итоги, можно отметить следующее. За более чем столетнюю историю исследования памятников КПМ в Прибайкалье благодаря усилиям многих поколений исследователей были получены разнообразные материалы, которые позволяют осветить самые разные аспекты изу-

чения пребывания ее носителей в крае. К числу их относится и вопрос, связанный с выяснением особенностей взаимоотношений населения КПМ с автохтонным населением Прибайкалья. Такие специфические особенности характеристики этой культуры в Прибайкалье, как очажно-гнездовое размещение могильников по остепненным районам края, небольшое в целом количество памятников и погребений в них, отсутствие в регионе характерных для данного культурного образования петроглифов селенгинского типа, присутствие в относительно большем количестве в могилах предметов вооружения, наличие в незначительном количестве в культурных слоях поселений местного населения фрагментов керамики плиточного облика, становятся понятными, если к их объяснению подойти с позиций желания носителями КПМ установить взаимовыгодные экономические отношения обмена продукции своего хозяйства с автохтонным прибайкальским населением, не нарушая при этом сложившихся в среде местных жителей норм и традиций в разных сферах жизни.

Выясняется, что во многом особенности памятников КПМ были обусловлены, видимо, тем, что заинтересованные стороны (степняки-скотоводы и местные охотники-рыболовы) для установления этих отношений и эффективного проведения обменно-хозяйственных связей вырабатывали в процессе контактов между собой какие-то, выражаясь современным языком, правила и принципы, на которых должны были основываться обменно-хозяйственные отношения. Из них в археологических памятниках нашло свое отражение, вероятно, согласование месторасположения стойбищ-

колоний степняков-скотоводов в оговоренных сторонами местах. С учетом скотоводческой основы хозяйства носителей КПМ им были отведены, как показывает топография могильников, местности в остепненных районах региона. Они превращались в своеобразные фактории, где происходили, вероятно, обменные операции. Вместе с тем в каких-то случаях степняки посещали и поселения местного населения.

Небольшие размеры могильников населения КПМ в Прибайкалье свидетельствуют о незначительной численности степного населения в регионе. Ее относительно небольшие размеры обуславливались, видимо, целесообразностью достижения степняками какого-то устойчивого уравновешенного баланса во взаимоотношениях с местным населением, который был им необходим для ведения постоянных обменно-хозяйственных связей с таежниками Прибайкалья.

Вероятно, по правилам «первобытной дипломатии» и нормам обычного права местного населения иноэтничным степнякам запрещалось создание святилищ для проведения религиозных обрядов и культовых практик, что объясняет отсутствие в Прибайкалье петроглифов селенгинского типа.

Так выглядят в самом общем виде выводы исторического характера, которые, с точки зрения автора, можно сделать при анализе особенностей характеристики памятников КПМ в Прибайкалье в рамках поставленного в данной статье аспекта изучения этой культуры, а отчасти и археологической культуры местного населения.

Статья поступила 10.03.2016 г.

Библиографический список

Горюнова О.И., Воробьева Г.А. Особенности природной обстановки и материальная культура Приольхонья в голоцене // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск: Наука, Сибир. отделение, 1986. С. 40–54.

Горюнова О.И. Ранний железный век на территории Предбайкалья (современное состояние проблемы) // Этнокультурные процессы в регионе Восточной Сибири и их

социально-культурная динамика. Улан-Удэ, 1993. С. 76–80.

Гришин Ю.С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М.: Наука, 1981. 204 с.

Гришин Ю.С. Некоторые вопросы о памятниках культуры плиточных могил в Предбайкалье и на Байкале // Культуры и памятники бронзового и раннего железного

веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. С. 63–64.

Диков Н.Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. 108 с.

Зайцев М.А., Свинин В.В. Могильник раннего железного века Хужир II (о. Ольхон на Байкале) // Археология и этнография Восточной Сибири. Тезисы докладов. Иркутск, 1978. С. 39–41.

Мельникова Л.В. Корреляция и периодизация петроглифов Верхней Лены: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2002. 26 с.

Мельникова Л.В., Николаев В.С. Периодизация петроглифов Предбайкалья // Известия Лаборатории древних технологий. Вып. 4. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2006. С. 259–283.

Николаев В.С., Мельникова Л.В. Петроглифы Кудинской долины. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008. 170 с.

Окладников А.П. История Якутской АССР. Т. 1. Изд. 2-е. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 432 с.

Окладников А.П. Шишкинские писаницы. Памятник древней культуры Прибайкалья. Иркутск: Иркутск. кн. изд-во, 1959. 212 с.

Окладников А.П. Петроглифы Ангары. М.; Л.: Наука, 1966. 322 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д., 1969. Петроглифы Забайкалья. Ч. 1. Л.: Наука, Ленинград. отделение, 1969. 220 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д., 1970. Петроглифы Забайкалья. Ч. 2. Л.: Наука, Ленинград. отделение, 1970. 264 с.

Окладников А.П. Петроглифы Байкала – памятники древней культуры народов Сибири. Новосибирск: Наука, Сибир. отделение, 1974. 124 с.

Окладников А.П., Молодин В.И., Конопацкий А.К., 1980. Новые петроглифы Прибайкалья и Забайкалья. Новосибирск: Наука, Сибир. отделение, 1980. 40 с.

Свинин В.В. Тырганский могильник // Уч. записки Иркутск. областного музея краеведения. 1971. Вып. 4. Ч. 1. Иркутск, 1971. С. 140–144.

Сергеева Н.С., 1981. Древнейшая металлургия меди юга Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, Сибир. отделение, 1981. 152 с.

Тиваненко А.В., Цыбиктаров А.Д. Северобайкальский очаг селенгинских петроглифов // АО 1978 г. М.: Наука, 1979. С. 276–277.

Тиваненко А.В. Древнее наскальное искусство Бурятии. Новосибирск: Наука, Сибир. отделение, 1990. 208 с.

Туркин Г.В. Лесостепное Предбайкалье в конце II–I тыс. до н. э. (по материалам погребально-поминальных комплексов): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2003. 24 с.

Туркин Г.В. Лесостепное Предбайкалье в конце II–I тыс. до н. э. (по материалам погребально-поминальных комплексов): рукопись дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2003а. 333 с.

Хамзина Е.А. Плиточный могильник в Баргузинской долине // По следам древних культур Забайкалья. Новосибирск: Наука, Сибир. отделение, 1983. С. 75–85.

Харинский А.В., Зайцев М.А. Исследование плиточных могил Приольхонья // Обзорение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. С. 195–197.

Харинский А.В., Зайцев М.А., Свинин В.В. Плиточные могилы Приольхонья // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. С. 64–78.

Харинский А.В. Западное побережье озера Байкал в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. // Известия Лаборатории древних технологий. Вып. 3. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. С. 198–215.

Хлобыстин Л.П., Студзицкая С.В. Бронзовый век Восточной Сибири // Археология СССР. Бронзовый век лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 327–350.

Хороших П.П. Исследования каменного и железного века Иркутского края // Известия Биолого-географического научно-исследовательского института при Гос. Иркутском университете, 1924. Т. 1. Вып. 1. Иркутск. 51 с.

Худяков Ю.С., Эрдэнэ-Очир Н. Военное дело древних кочевников Монголии (II

тыс. – III в. до н. э.). СПб.: Нестор-История, 2011. 172 с.

Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Забайкалья и Монголии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. 24 с.

Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 1998. 288 с.

References

Dikov N.N. *Bronzovyi vek Zabaikal'ya* [Bronze Age of the Trans-Baikalia]. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd-vo Publ, 1958. 108 p.

Goryunova O.I. *Rannii zheleznyi vek na territorii Predbaikal'ya (sovremennoe sostoyanie problemy)* [Early Iron Age of the Cis-Baikalia (current level of the research of problem)]. *Etnokul'turnye protsessy v regione Vostochnoi Sibiri i ikh sotsial'no-kul'turnaya dinamika* [Ethnos-Culture processes in the East-Siberian region and their social-cultural dynamics]. Ulan-Ude, 1993. Pp. 76–80.

Goryunova O.I., Vorob'eva G.A. *Osobennosti prirodnoi obstanovki i material'naya kul'tura Priol'khon'ya v golotsene* [Specifics of the Environment and material culture in Olkhon Area in Holocene]. *Paleoekonomika Sibiri* [Paleoeconomy of Siberia]. Novosibirsk, Nauka Publ, Sibir. otделение, 1986. Pp. 40–54.

Grishin Yu.S. *Nekotorye voprosy o pamyatnikakh kul'tury plitochnykh mogil v Predbaikal'e i na Baikale* [Some questions about the Slab Grave sites in Cis-Baikalia and Lake Baikal]. *Kul'tury i pamyatniki bronzovogo i rannego zhelezного vekov Zabaikal'ya i Mongolii* [Culture and sites of the Bronze and Early Iron Ages of Trans-Baikalia and Mongolia]. Ulan-Ude, BNTs SO RAN Publ, 1995. Pp. 63–64.

Grishin Yu.S. *Pamyatniki neolita, bronzovogo i rannego zhelezного vekov lesostepного Zabaikal'ya* [Sites of the Neolithic, Bronze and Early Iron Ages in forest-steppe Trans-Baikalia]. Moscow, Nauka Publ, 1981. 204 p.

Khamzina E.A. *Plitochnyi mogil'nik v Barguzinskoj doline* [Slab Graves necropolis in Barguzin Valley]. *Po sledam drevnykh kul'tur Zabaikal'ya* [Following the traces of ancient cultures of Trans-Baikalia]. Novosibirsk, Nauka Publ, Sibir. otделение, 1983. Pp. 75–85.

Цыбиктаров А.Д. Этапы взаимоотношений населения культуры плиточных могил и культуры херексуров в Центральной Азии в «эпоху великого переселения народов» бронзового века // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы IV Международной научной конференции. Чита, 13–19 сентября 2013 г. Чита: Экспресс-издательство, 2013. С. 360–373.

Kharinskii A.V. *Zapadnoe poberezh'e ozera Baikal v I tys. do n. e. – I tys. n. e.* [Western Coast of the Lake Baikal in I millennium BC – I millennium AC]. *Izvestiya Laboratorii drevnykh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies]. Ussue 3. Irkutsk, Izd-vo IrGTU Publ, 2005. Pp. 198–215.

Kharinskii A.V., Zaitsev M.A. *Issledovanie plitochnykh mogil Priol'khon'ya. Obzrenie rezul'tatov polevykh i laboratornykh issledovaniy arkheologov, etnografov i antropologov Sibiri i Dal'nego Vostoka v 1993 g.* [The study of Slab Graves in Olkhon Area. Review of results of the field and cameral researches of archaeologists, ethnographers and anthropologists of Siberia and Far East in 1993]. Novosibirsk, Izd-vo IAET SO RAN Publ, 1995. Pp. 195–197.

Kharinskii A.V., Zaitsev M.A., Svinin V.V. *Plitochnye mogily Priol'khon'ya. Kul'tury i pamyatniki bronzovogo i rannego zhelezного vekov Zabaikal'ya i Mongolii* [Slab Graves of Olkhon Area. Cultures and sites of the Bronze and Early Iron Ages in Trans-Baikalia and Mongolia]. Ulan-Ude, BNTs SO RAN Publ, 1995. Pp. 64–78.

Khlobystin L.P., Studzitskaya S.V. *Bronzovyi vek Vostochnoi Sibiri* [Bronze Age in the Eastern Siberia]. *Arkheologiya SSSR. Bronzovyi vek lesnoi polosy SSSR* [Archaeology of USSR. Bronze Age of the forest zone of USSR]. Moscow, Nauka Publ, 1987. Pp. 327–350.

Khoroshikh P.P. *Issledovaniya kamennogo i zhelezного veka Irkutskogo kraja* [Researches of Stone and Iron Ages in Irkutsk Krai]. *Izvestiya Biologo-geograficheskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta pri Gos. Irkutskom universitete* [Reports of Biologic-Geographic Science-Researching Institute in

Irkutsk State University]. Irkutsk, 1924. Vol. 1. Ussue 1. 51 p.

Khudyakov Yu.S., Erdene-Ochir N. *Voennoe delo drevnikh kochevnikov Mongolii (II tys. – III v. do n. e.)* [Warfare of ancient nomads of Mongolia (II millennium – III century BC)]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ, 2011. 172 p.

Mel'nikova L.V. *Korrelyatsiya i periodizatsiya petroglifov Verkhnei Leny: avtoref. dis. ... kand. Ist. nauk.* [Correlation and periodization of petroglyphs of the Upper Lena: thesis of PhD]. Vladivostok, 2002. 26 p.

Mel'nikova L.V., Nikolaev V.S. *Periodizatsiya petroglifov Predbaikal'ya* [Periodization of petroglyphs of the Cis-Baikalia]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies]. Irkutsk, Izd-vo IrGTU Publ, 2006. Ussue 4. Pp. 259–283.

Nikolaev V.S., Mel'nikova L.V. *Petroglify Kudinskoi doliny* [Petroglyphs of the Kuda Valley]. Irkutsk, Izd-vo IrGTU Publ, 2008. 170 p.

Okladnikov A.P., Molodin V.I., Konopatskii A.K. *Novye petroglify Pribaikal'ya i Zabaikal'ya* [New petroglyphs of Cis-Baikalia and Trans-Baikalia]. Novosibirsk, Nauka Publ, Sibir. otdelenie, 1980. 40 p.

Okladnikov A.P. *Istoriya Yakutskoi ASSR* [History of Yakutian ASSR]. Moscow; Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ, 1955. Vol. 1. 432 p.

Okladnikov A.P. *Petroglify Angary* [Petroglyphs of Angara Valley]. Moscow; Leningrad, Nauka Publ, 1966. 322 p.

Okladnikov A.P. *Petroglify Baikala – pamyatniki drevnei kul'tury narodov Sibiri* [Petroglyphs of Lake Baikal – sites of the ancient culture of the peoples of Siberia]. Novosibirsk, Nauka Publ, Sibir. otdelenie, 1974. 124 p.

Okladnikov A.P. *Shishkinskie pisanitsy. Pamyatnik drevnei kul'tury Pribaikal'ya* [Shishkino petroglyphs. Site of ancient culture of the Cis-Baikalia]. Irkutsk, Irkutsk. kn. izd-vo Publ, 1959. 212 p.

Okladnikov A.P., Zaporozhskaya V.D. *Petroglify Zabaikal'ya* [Petroglyphs of Trans-Baikalia]. Leningrad, Nauka Publ, Leningrad. otdelenie, 1969. Part 1. 220 p.

Okladnikov A.P., Zaporozhskaya V.D. *Petroglify Zabaikal'ya* [Petroglyphs of Trans-Baikalia]. Leningrad, Nauka Publ, Leningrad. otdelenie, 1970. Part 2. 264 p.

Sergeeva N.S. *Drevneishaya metallurgiya medi yuga Vostochnoi Sibiri* [Ancient copper metallurgy of the South of Eastern Siberia]. Novosibirsk, Nauka Publ, Sibir. otdelenie, 1981. 152 p.

Svinin V.V. *Tyrganskii mogil'nik* [Tyrgansky necropolis]. Uch. zapiski Irkutsk. oblastnogo muzeya kraevedeniya. Irkutsk, 1971. Ussue 4. Part 1. P. 140–144.

Tivanenko A.V. *Drevnee naskal'noe iskusstvo Buryatii* [Ancient Petroglyph Art of Buryatia]. Novosibirsk, Nauka Publ, Sibir. otdelenie, 1990. 208 p.

Tivanenko A.V., Tsybiktarov A.D. *Severobaikal'skii ochag selenginskikh petroglifov* [North Baikalian route of the Selenga's petroglyphs]. AO 1978, Moscow, Nauka Publ, 1979. Pp. 276–277.

Tsybiktarov A.D. *Etapy vzaimootnoshenii naseleniya kul'tury plitochnykh mogil i kul'tury khereksurov v Tsentral'noi Azii v "epokhu velikogo pereseleniya narodov" bronzovogo veka* [Stages of communications among the people of the Slab Grave Culture and people of Khereksur Culture in the Central Asia during the "era of the great migration of peoples" in Bronze Age]. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikalskoi Sibiri*. [Ancient Cultures of Mongolia and Baikalian Siberia] *Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Proceedings of the 4th International Conference. Chita, 13–19 September 2013]. Chita, Ekspres-izdatel'stvo Publ, 2013. Pp. 360–373.

Tsybiktarov A.D. *Kul'tura plitochnykh mogil Mongolii i Zabaikal'ya* [Culture of Slab Graves of Mongolia and Trans-Baikalia]. Ulan-Ude, Izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta Publ, 1998. 288 p.

Tsybiktarov A.D. *Kul'tura plitochnykh mogil Zabaikal'ya i Mongolii: avtoref. dis. ... kand. ist. Nauk* [Culture of Slab Graves of Mongolia and Trans-Baikalia: thesis of PhD]. Moscow, 1989. 24 p.

Turkin G.V. *Lesostepnoe Predbaikal'e v kontse II–I tys. do n. e. (po materialam pogrebal'no-pominal'nykh kompleksov): rukopis' dis. ... kand. ist. nauk.* [Forest-steppe Cis-Baikalia in the end of II – I millennia BC

(based on the data of funeral sites): Manuscript of PhD]. Vladivostok, 2003a. 333 p.

Turkin G.V. *Lesostepnoe Predbaikal'e v kontse II–I tys. do n. e. (po materialam pogrebal'no-pominal'nykh kompleksov): avtoref dis. ... kand. ist. nau.* [Forest-steppe Cis-Baikalia in the end of II–I millennia BC (based on the data of funeral sites): Thesis of PhD]. Vladivostok, 2003. 24 p.

Zaitsev M.A., Svinin V.V. *Mogil'nik rannego zheleznogo veka Khuzhir II (o. Ol'khon na Baikale)* [Necropolis of the Early Iron Age Khughir II (Olkhon Island on Lake Baikal)]. *Arkheologiya i etnografiya Vostochnoi Sibiri* [Archaeology and Ethnography of the Eastern Siberia]. Tezisy dokladov. Irkutsk, 1978. Pp. 39–41.

Сведения об авторе

Цыбиктаров Александр Дондопович, доктор исторических наук, профессор кафедры Всеобщей и отечественной истории БГУ, Бурятский государственный университет, 67000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а, исторический факультет, e-mail: a.d.tsibiktarov@gmail.com

Cybiktarov Alexandr Dondopovich, doctor of science, professor of the Department of World and Russian history, Buryat State University, 67000, Russia, Ulan-Ude, Smolin str., 24a, historical faculty, e-mail: a.d.tsibiktarov@gmail.com